

ВСПОМНИТЬ СЛОВА

— Очнулся? Видишь что-нибудь? Помнишь? Или ничего?

Ничего...

— Говорить-то можешь? Я тебя спрашиваю. Давай, посмотри на меня. Я — лекарь. Хм... выглядишь сносно. А чувствуешь себя как?

— С... сносно?

— Понимаю. Ты из заблудших. Валитесь с неба на землю, ничего не помните. Даже слов обычных связать не можете. Попробуй со мной поговорить, давай. Поначалу будет сложно, но в голове что-то должно остаться. Вспоминай слова!

Вспоминай... Заблудший? Я? Ничего не помнил. А лекарь... выглядел сносно. Я не помнил слов.

— Говорить будешь?

— Бу-уду...

— Хорошо, хотя бы повторять в состоянии. Карл-то до сих пор едва два слова связать может. Давай-ка ты посмышленнее него окажешься? Не хочу возиться еще с одним дураком. Ты кто? Помнишь? Скажи, если да.

— Н... не помню. Дурак?

— Это я дурак или ты? Шучу, все я понял. Ты, значит, совсем слов не знаешь. Ничего. Ходи, слушай. Чем больше будешь слушать, тем быстрее научишься говорить. И думать, наверное. В голове сейчас пусто поди? Даже сформировать мысли не можешь? Ничего, это бывает. Давай основные слова повспоминаем. Я буду показывать разные предметы, а ты их называй. Вот это что?

Лекарь показал. Что-нибудь. Нет. Не что-нибудь — что-то.

— Ничего.

— Ложка это, дурень! Сейчас как щелкну тебя ей по лбу. Повтори.

— Ложка это.

— Верно. Дай-ка голосовые связки посмотрю. Открой рот... Скажи: «а-а-а».

— А-а-а.

— Молодец. Только это не слово, ты его не используй. Вот на это посмотри. Что показываю?

Не помнил.

— Не ложка?

— Это уж точно, дурень. Ложку от карандаша отличить смог, молодец. Слушай, неудобно как-то с тобой общаться. Мне всех заблудших записывать надо. Понимаю, что сложно, но попробуй вспомнить свое имя. Как звать тебя?

Не помнил. Ложка? Нет. Карандаш? Нет. Лекарь? А-а-а-а! Что я?

— Давай помогу, — сказал лекарь. — Меня, например, зовут Лем. Ко мне всех заблудших приводят. Вас не так много,

но и у меня время не резиновое. Не могу ходить за всеми да память восстанавливать, так что придется самому как-то выкручиваться. Память будет возвращаться постепенно. Или нет... тут уж как повезет. Но ты хоть говорить можешь, повторять. Уже получше, чем у некоторых. Так как, говоришь, тебя зовут?

— Не говорю. Не знаю.

— Ух ты! Два осознанных предложения подряд сказал. Хоть и коротких. Ты молодец, дурень. Но имя-то вспомнить надо.

Не помнил я. Не помнил!

— На, в зеркало посмотришь. Вдруг поможет.

Посмотрел.

— Давай подскажу. Вот это глаза. А эта странная штука посреди лица — нос. А говоришь — ртом.

— Лоб. — Я показал.

— Отлично!

— Ложки. — Я показал на глаза. — Ложки с небом.

— Не проведешь меня, дурень. Ты не вспоминаешь, а слова мои в разном порядке используешь. Так у нас дело не сдвинется... Имя давай, имя!

Я посмотрел лекарю в глаза. У него — ложки с землей.

— Давай повспоминаем, — сказал я.

— Дельное предложение. Давай. Как тебе помочь?

— Помоги... говори. Имена говори. Я вспомню.

— Марк? Кристоф? Максим? Каин?

— Не мое имя.

— Называю, какие знаю! Ишь ты, умный какой... Давай еще разные предметы назову. Это стол. Стул. Человек. — Лекарь показал на себя. — И ты человек. Мы это недавно вспомнили... Впрочем, ладно, до этого еще дойдем. По бокам — стены. Сверху потолок, а снизу пол. Ну как, словарный запас пополняется?

— Сверху небо, а снизу — человек, — сказал я.

— Глубокомысленно. Вот тетрадь, у нее страницы, листы иначе говоря...

Показался человек. Не лекарь.

— Как состояние? — сказал.

— Нормально. Бывало и хуже, — сказал лекарь. — Это Марк. Он тебя притащил. Марк, подойди, пообщайся. Мы пока слова учим.

Марк подошел. Посмотрел.

— Ну, скажи что-нибудь? Совсем тупенький или нам повезло?

Я сказал:

— Ты тупенький дурень. Я тебе сейчас ложкой по лбу дам. Ишь ты, умный какой. Не проведешь меня!

Марк открыл рот. Сказал: «ахаха». И я сказал: «ахаха». Поговорили.

— Я упал с неба?

— Ага. Я нашел тебя возле пруда. Знаешь, что такое пруд? Это такое место с водой...

— Он понимает, — сказал лекарь Лем. — Слова знает, сочетается хорошо. Просто не помнит их совсем. Вот уже несколько минут бьемся. Ты, Марк, как свое имя вспомнил?

— Да меня такого же тупого притащили. Сидишь как бревно, голова пустая. Кто-то что-то говорит — и память наполняется, как будто в пустое ведро по капле воду вливают. А пустоты еще полно. У тебя еще голова потом заболит. Будет больно — ищи Лема. Сейчас он у нас главный лекарь. Прошлый за границу ушел, сбрендил...

— Сбрендил? — сказал я.

— Ну да, с ума сошел, раз решился уйти. Или не надо ему еще про границу рассказывать?

— Не надо, — сказал Лем. — Сейчас бы с простыми словами разобраться. Возвращаемся к имени. Я-то могу тебя дурнем хоть постоянно звать, но если другие спросят... Ну хотя бы придумать ему что-нибудь. Я другим заблудшим придумывал.

— Нет, — сказал Марк. — Имя лучше вспомнить. Это важная часть нашего сознания, так Каин говорит. Вставишь не ту деталь — и вся картина испорчена. Не туда сознание повернет, совсем иначе судьба сложится. Вот был бы ты не Лем, а, например, какой-нибудь Мем — и не лекарем, может, стал бы.

— А кем?

— Шутом!

Лекарь и Марк сказали: «ахаха». Мой рот повернул вверх.

— О, ты улыбаться умеешь, дурень!

— Умею. Говорить умею. Смотри: судьба лекаря — помогать человеку. Шут какой-нибудь может землю ложкой таскать. Таскает землю, а пустоту не заполнит. Такая судьба у шута.

— Тебе бы книги писать, — сказал Марк. — Так мало слов знаешь, а такую тираду выдал. Талант!

— Талант с неба валится на человека. А тот может не помнить этого. Судьбу испортить. Нет памяти — нет человека.

Лем и Марк посмотрели. Я все испортил? Рты не открывают. Я, дурень, вставил не ту деталь. Сказал пустые слова.

— Знаешь... вспомнит он свое имя. Пока не трогай его, ладно? — сказал Марк. — Вижу в нем что-то... Пока пусть безымянным ходит. Лучше так, чем мы ему голову не тем забудем. Кажется, понимает он многое, просто слов пока не хватает.

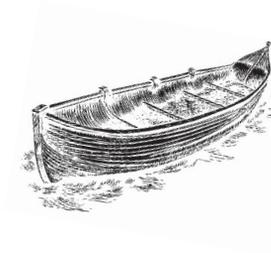
— Не хватает, — сказал я.

— Вот именно. К Каину его отправить не забудь. Хотя знаешь... Нет, Лем, я сам его отведу. Поболтайте еще, книжки с картинками покажи ему. Пусть запомнит хоть что-то, что для общения пригодится. А то выдаст он такое при Каине...

Может, хорошим обернется, а может, плохим. Выбор-то он всем предлагает.

— Всем. — Глаза Лема стали как пустота в ложках. Плохо лекарю? — Зайди через час, Марк. Я с ним слова подучу. Так, что у меня из книг есть... Ну, дурень, пока придется по нашим записям об анатомии работать. Читать ты еще вряд ли сможешь, но я могу вслух. Организм человека состоит из...

КАИН. ЗНАКОМОЕ ИМЯ?

Лем читал, я слушал. Хотя читать тоже мог, медленно. Много узнал. Руки, ноги, голова. Почка, печень, немота. Немота — у других. Я мог говорить, но слов не помнил. Чем больше слушал, тем больше вспоминал. Лем иногда говорил не по книге, отвлекался. Что-то спрашивал. Мало, очень мало слов помнил... Думать было больно.

Мы — в аптеке. Здесь врачи лечат людей. Заблудшие — странные. Падают с неба на землю, редко. Не получают ушибов и открытых переломов. Кости целы, мозги больные. Желудок чувствует пустоту.

— Пища? — Я показал в книгу. Лем понял:

— А, есть захотел? Это мы легко... Посиди тут пять минут.

Он ушел. Пять минут — это мало. Лем ушел на больше. Еще я знаю час. Час — это много. Что между пятью минутами и часом?

Пришел. В руках держал...

— Помнишь, что это? — спросил лекарь.

— Ампутированный орган земли.

— Ну... можно и так сказать. Но лучше называй картошкой. Вот, держи. Шкурку с нее сними, вареная. Больше не дам, дурень, и так из своего пайка выделил.

Лем читал дальше. Я узнавал больше. Прочитал про возрастные болезни.

— Это бесполезная информация. — Он перевернул страницу. — У нас все равно никто не стареет. Каким попадаешь сюда — таким и остаешься. Просто кто-то из лекарей вспомнил, что есть такая штука — возраст. У нас книги такие, знаешь, как из разных частей сшитые. Кто что вспомнил — тот то и записывает.

— Какой возраст у меня?

— У тебя? Хм... Может, лет семнадцать.

— А у тебя?

— Я постарше явно. Двадцать, двадцать два, наверно. Но это только на вид. Так-то я здесь уже лет десять живу и ни капли не изменился.

— Что значит «на вид»? А как еще, если не на вид?

— Сложные вопросы ты задаешь, дурень. Мы в запутанное время живем. Ничего не понять. Память-то не только у тебя отшибло, у всех нас проблемы. Как тебе картошка?

— Полезна для пищеварительного тракта. Насыщает организм питательными ферментами. Язык участвует в процессе жевания.

— Короче, вкусно, я понял. Да уж, повезет Каину, если ты с таким словарным запасом припрешься... Надо было другую книгу выбрать, не по анатомии.

В лекарьню зашел Марк.

— Как вы тут? Безымянный, хоть немного говорить научился?

— Научился, — сказал я. — Ты, Марк, эктоморф. Имеешь худое, вытянутое лицо. Тонкие длинные руки и ноги. Подкожный жировой слой отсутствует.

— Эм... — Марк остановил нижние конечности. — Ты чему его целый час учил, Лем?

— Книжку мы читали. По анатомии.

— И кто теперь дурень? Сказку бы лучше ему рассказал, чтоб по-человечески выразаться мог, а не вот этой вот лекарской фигней.

— Врач, — сказал я.

— Что?

— Не лекари. Врачи. Так называется.

Глаза Лема стали шарообразными, как две большие почки. Он открыл и закрыл рот. Что-то в глазах изменило строение.

— Точно... Врач. Врач! — Он напряг голосовые связки и издал высокий звук.

— Тише ты, — сказал Марк.

— Он вспомнил слово! Оно ведь на поверхности лежало, вон, про всякие почечные проблемы наши лекари целые книги исписали, а такое слово вспомнить не могли! Марк, он сам вспомнил новое слово! Которое мы — не помнили!

— Вот и помалкивай. — Марк напряг мышцы лба. Ярко выраженная неврастения. Или нет? Неверный диагноз. Просто напряг мышцы лба. Надо научиться говорить проще... — Дай парнишке шанс. Если Каин сразу его раскусит, заберет это. Понимаешь? Останемся все с носом. А это...

— Орган для распознавания запахов, — подсказал я.

— Я хотел сказать, что это для тебя ничем хорошим не закончится. Вставай, пойдем к Каину. Он уже заждался.

— Он будет диагностировать мой мозг? Магнитно-резонансная томограмма?

— Типа того. Лем, придурок, ты чем ему голову забил?.. Пошли, Безымянный.

Мы вышли из лекарни. Вокруг было много... много...

— Что это? — Я показал.

— Ты про что? Дома? Здания?

— Да, здания. Спасибо.

— Спрашивай, если что. А все вместе называется город.

Здания вокруг были разные. Высокие эктоморфы — Марк сказал, это театр и кухня. Экзоморфы, как три человека в соту, — простые дома, здесь жили люди. Мы пошли по венам города — люди тоже ходили. Разного пола, возраста, строения тел, цвета волос. Дорога поднялась, и мы оказались чуть выше некоторых домов. Двигались в мозг города — самое широкое здание, будто бы все в извилинах. Наверное, там жил Каин. Большой дом, кожное покрытие — кровавого оттенка. Отверстия в стенах прозрачные, как мембрана.

— Все дома разные, — сказал я. — Почему?

— У них разные хозяева.

— Хозяева... Каин — хозяин города?

— Можно и так сказать. Он серьезный человек. Я бы тебя предупредил, только ты, Безымянный, еще соображаешь плохо. Выдашь меня... Нет, не могу. Придвинься ближе. Слушай. — Марк наклонился к моей ушной раковине, чтобы другие люди не слышали. — Каин предложит тебе кое-что. Подумай, прежде чем дать ответ. Это повлияет на твою судьбу сильнее, чем ты можешь представить. Я не могу прямо тебе советовать, соглашаться или нет, но... Просто попытайся до этого момента вспомнить как можно больше. Если бы ты успел хотя бы имя... Это бы дало тебе немного памяти. Ты непрост, про врачей вспомнил. Кстати, не говори об этом Каину. Я не запрещаю, но... лучше не говори. Правда.

— Хорошо. Спасибо.

Мы двинулись далее по венам города. Пульс учащался, люди быстрее передвигали конечностями. Два человека портили свои легкие возле дома. Они говорили слова, громко... наверное, их нельзя повторять. Что-то в этом мире я начинаю понимать.

Из земли росли зеленые ребра с маленькими плоскими конечностями. Склонялись над нами, закрывая, будто сердце.

— Это?.. — Я показал.

— Деревья. Их тут не особо много, хотя Дэйв пытается вырастить. Ничего не получается — и года не выдерживают, сохнут. Что-то растет только на полях да возле пруда.

— А где мы? Это все заблудшие?

— Все мы были когда-то заблудшими, — сказал Марк. — Кто-то пять лет назад, кто-то — тридцать. А кто-то — и все сто.

— Каин?

— Верно. Не знаю, сколько ему лет.

— Средний возраст человека составляет семьдесят два года.

— Ну, может, где-нибудь и так. Ты молодец, что книгу ту читал с Лемом, только там много лишнего. Знаешь, лекари же тоже заблудшие, иногда как вспомнят что-нибудь — бегут записывать. В итоге у нас полно книг о болезнях, которых у нас даже не существует. Целые талмуды расписаны, как капельницы ставить да рентген проводить, — только нет у нас такого, травками лечимся. Да и возраст тут — понятие относительное.

— А где не относительное?

— А вот этого, братец, никто не знает. Откуда-то мы все пришли, но откуда? Это большая загадка. Каин больше всех хочет ее разгадать, только вот, сдается мне, это непросто. Мы почти пришли. Вход там.

Вход — огромный рот, ведущий к мозгу. Здание, где жил Каин, состояло из странных линий и сосудов, переплетенных между собой. Все дышало и как будто двигалось.

— Жуткое зрелище, да? — спросил Марк.

— Тут все дома жуткие.

Это правда. Каждый дом — особенный, странный. Пока не мог описать, но смотреть на них было непросто.

— Я не пойду с тобой, Безымянный. Каин уже ждет. Не хочу лишний раз попадаться ему на глаза. Просто иди прямо по коридору, не ошибешься. Как дойдешь до двери, постучи.

Я вошел в здание. Впереди была бесконечная кишка коридора, поворачивала то вправо, то влево. Какой-то рудимент от входа до кабинета. Зачем такой длинный коридор? Наконец дошел. Ударил по двери три раза. Три — я знаю это, потому что Лем помог вспомнить цифры.

— Входи, — раздался голос. Я вошел.

Каин — высокий, худощавого телосложения. Сидел на стуле, напоминающем тазовые кости. На плечах Каина была кожа зверя... как же ее... шкура? Да, шкура животного.

— Представься.

Голос такой, что мне сразу захотелось упасть обратно на небо. Лишь бы не быть здесь.

— Я... не знаю своего имени.

— Новое тебе не выдумали? Это хорошо. Сядь.

У костяного стула Каина был еще один, обычный, маленький. Странно. Вроде бы только что я его здесь не видел.

Я сел.

— Безымянный, значит. Помнишь что-нибудь?

— Что?

— Что угодно. Два слова-то связать можешь?

— Могу и связать. И сказать. Слов знаю мало. Лем, лекарь, немного почитал мне книгу. Марк нашел меня у пруда. До этого — ничего не помню.

— Как и все здесь. — Каин выпустил из легких воздух. — Я в городе — главный. И всех новеньких должен пристраивать на места. К чему душа лежит?

Наверное, он хотел от меня услышать что-то, чего я сам не знал. Спросил ведь раз — я сказал, что ничего не помню. А теперь спрашивал опять. Думал, что что-то изменится? Что внезапно вспомню? Не получилось.

— А из чего выбирать?

— Да не из чего. Если б мог сам выбрать — уже ответил бы. Иногда приходят ко мне заблудшие да говорят: мне понравилось ходить по земле. Я их отправляю в поля. Или услышали звук из кузниц — тогда пробую пристроить их туда. Хотя туда редко кто подходит, не каждому дано... Раз тебе сказать нечего — мне и выбрать не из чего.

Я мог бы сказать, что мне понравились дома. Они похожи на органы. А вдруг бы меня сделали лекарем? Почему-то не хочу. И дома делать не хочу. А чего хочу?..

— В тебе ничего не проснулось, пока ты по улицам шел. Значит, будешь там, куда я укажу.

Он не спрашивал. Просто сказал. Каин — хозяин города.

— И куда?

— Посмотрим... Выглядишь молодо, у нас таких мало. Бегать умеешь?

Я посмотрел на ноги. Наверное, умею. Все умеют, у кого ноги есть.

— Да.

— Был у нас один человек, письма разносил. Только он недавно шагнул за границу. Знаешь, что такое граница?

Я задумался. Каин тоже.

— Наверное, знаю. Это как у человека. Кожа — граница человека. Он за нее выйти не может. А если выходит — умирает. У города тоже есть граница?

Хозяин улыбнулся. Мне это не понравилось — жутко.

— Интересная идея, малец. И очень точная. За границу выходить нельзя. Выйдешь — и обратно не вернешься. А может, тебя за ней уже и не будет. Тут уж от того зависит, кто во что верит. Будешь нашим почтальоном. Это важное дело, без работы не останешься. В городе много кто кому что-то должен сказать, но почему-то сам не может. Ты будешь связью для разных людей.

— Нерв?

— Что? — не понял Каин.

— Нервы. Как в теле, — сказал я. Слова в книге Лема были разные, всего помаленьку. Про это он тоже мне читал. — Мозг дает сигнал, а нервы разносят его по организму. Если нерв работает плохо, сигнал не доходит или доходит поздно. Если человек подносит руку к огню, мозг дает сигнал — опасно, больно! — и он по нерву должен успеть дойти до руки, чтобы человек ее отдернул.

Каин постучал пальцами по своему костяному стулу. Помолчал. Потом сказал:

— Ты интересный. Кажешься мне умнее многих, кто сюда приходит. Работа почтальона тебе подойдет — ты, значит, будешь нервом, а я — мозгом. И мы не дадим телу города обжечься, если жители слишком приблизятся к огню. Мне нравятся ребята вроде тебя. Хочешь сделку?

— Сделку?

Наверное, об этом говорил мне Марк. Что я не должен соглашаться. Послушаем, что скажет Каин.

— Многие живут здесь в приюте, теснятся, толпятся. Но особым людям я даю новые дома. Хочешь себе такой?

— Хочу! — сказал я раньше, чем нервы донесли от мозга сигнал об опасности.

— И это отлично! — Каин приподнялся, собираясь протянуть мне руку. — Взамен попрошу твой талант.

— Какой у меня талант?

— А кто ж его знает? Может, лучше всех умеешь колоть орехи. Зачем тебе это в нашем городе? У нас и орехов-то особо нет. Ты про талант не знаешь, я про него не знаю. Наверняка он бесполезен — как у большинства людей. Так почему бы не обменять его на нечто полезное?

— Дом — полезный, — решил я.

— Именно.

— А вдруг талант тоже полезный?

— Это уж ты решай, малец. Если откажешься — будешь спать в общей комнате, с сотней таких же людей. Во сне некоторые храпят, другие издают звуки похуже... А если понравится девушка, ты ее даже к себе привести не сможешь. Потому что некуда. Так не лучше ли выбрать нечто прекрасное и материальное? Дома у нас особые, подстраиваются под хозяина. Я дам тебе семечко, а ты вырастишь из него целое здание. Может, это будет огромный замок — если повезет.

Замок? По пути я видел несколько. Наверное, тут многие соглашаются на это. Или Каин не всем предлагает? Наверное, не всем, только особенным. Как я.

— Так что? — Он протянул руку вперед и ждал. — Согласен?

— Мне кажется, я люблю орехи. Оставлю талант себе.

Каин опять улыбнулся, убрал руку и сел на стуле ровно. Я думал, он станет злым, жутким. Но он выглядел сносно.

— Интересно. Ладно, малец, тогда без дома останешься.

— И все?

— А ты надеялся, я буду тебя уговаривать? Бесполезно. То есть, конечно, можно. И если бы я постарался — наверняка бы

уговорил. Но суть не в том. Знаешь, в наш город все попадают без памяти. А человек без памяти — это кто?

— Никто?

— Вот и я так думал. Чистый лист, на котором можно рисовать что угодно. Рисовать я не люблю, но умею — обменял талант у одного... Так вот. Я думал, раз все люди без памяти, то и действовать должны одинаково. Они ведь все начинают существовать ровно в момент, когда оказываются заблудшими, — когда просыпаются в нашем городе. И тогда они должны бы на все отвечать одинаково. Но я каждому предлагаю выгодную сделку — а соглашаются не все. Почему?

— Почему?

— Не знаю. Возможно, человек состоит не только из памяти. Вот что, малец, раз не досталось тебе семья для нового дома, будешь жить вместе с другими. Выйдешь отсюда — поверни направо, иди прямо. Увидишь здание, похожее на гору, — заходи в него. Найдешь там Марфу — она выделит место. Но до того загляни к нам на бумажную фабрику. Это прямо напротив моего дома. Там делают бумагу, но тебе нужно не само производство, а у входа прозрачная труба. Заходи туда каждое утро, бери почту и разноси — там уж будет написано, что кому. Иногда — мне. Если сам не вызову, ко мне без спросу не суйся, просовывай письмо под дверь. Пока все понятно?

— Да.

— Еще тебе понадобится форма. Почтальон не только почту разносит, но и слова. У тебя с памятью, как вижу, все неплохо. Если человек подзовет тебя на улице, подойди, выслушай — и доставь послание кому укажут. Лучше делать это до конца дня.

— А тут есть дни? Я не видел солнца.

В глазах Каина что-то изменилось. Губы раскрылись, что-то начали произносить, а он будто перестал меня видеть.

— Солнца? — расслышал я тихое слово. — Никто не помнит солнца. Или уже помнят? Нужно узнать... Ты, — он заговорил громче, — ориентируйся на часы. Они повсюду: на домах, внутри домов, на улицах иногда. Как пробьет двенадцать ночью — значит, сутки закончились. Форму найдешь на складе. Где склад... сам разберешься, мне нужно подумать. Свободен!

Я встал и ушел.

Сначала мне казалось, что мы с Каином говорим на одном языке, но в конце с ним что-то случилось. Заболел от слова «солнце»?

